

• большая детская библиотека •

ВЛАДИМИР ЖЕЛЕЗНИКОВ

Чучело

Повести

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Ж51

Рисунок на обложке
Е. Муратовой

Железников, Владимир Карпович.

Ж51 Чучело. Повести / В. Железников; — Москва : Издательство АСТ, 2020. — 413, [3] с. — (Большая детская библиотека).

ISBN 978-5-17-120367-2.

В книгу Владимира Карповича Железникова «Чучело. Повести» вошли две повести: «Чучело» и «Жизнь и приключения Чудака». «Чучело» — трагическая история о непростых взаимоотношениях с одноклассниками шестиклассницы Лены Бессольцевой. В 1983 году по повести был снят одноименный фильм с Кристиной Орбакайте в главной роли. «Жизнь и приключения чудака» — веселая история о шестикласснике Боре Збандуто, о том, как он из озорника превращается в ответственного человека. В 1972 году по повести был снят фильм «Чудак из Пятого «Б».

Для среднего школьного возраста.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

АСТ

© Железников В. К., насл., 2020
© Власова А. Ю., ил., 2020
© Муратова Е. Л., ил., 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2020

КОРОТКО О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ

Казалось бы, что проще, написать о себе несколько слов? Но стоило мне сесть за стол, чтобы вспомнить собственную жизнь, как передо мной возникла непреодолимая преграда. Я не знал с чего начать, о чем писать, какие выбрать детали из своей длинной и достаточно беспокойной жизни. Первое условие, которое я поставил перед собой, — ничего не сочинять, а постараться рассказать о себе действительные истории. Чтобы я сразу возник перед вами, как «лист перед травой». Так мне говорила мама, когда я возвращался из школы, где-нибудь задержавшись, и начинал придумывать разные истории, чтобы оправдаться. Мама слушала, слушала меня, а потом говорила: «А ну-ка, хватит врать, встань передо мной, как лист перед травой, и выкладывай правду, а то противно слушать». Я почему-то пугался этих слов и тут же во всем сознавался.

Начну наконец — мы жили в тяжелые и страшные времена. Я пошел в школу в 1933 году отроду восьми лет. Но еще до этого мне пришлось пережить уже трудную не детскую историю. В те годы по всей стране, которая называлась Советский

Союз, бушевал красный террор. Карательные органы вели бесконечные аресты «врагов революции». А было их невидимое количество, и все эти «враги» даже не знали до своего ареста, что они враги. И мой дядя Андрей, курсант Московского военного артиллерийского училища, был тоже арестован. А было ему всего двадцать лет. Его отправили на строительство Беломоро-Балтийского канала. Парень он был лихой, смелый и вольнодумный. Ему не понравилось в сталинских лагерях, он бежал и приехал к нам в город Витебск, где в это время служил мой отец. И мы его стали скрывать, прятать у себя в доме. Это было очень опасно, потому что если бы Андрея нашли у нас, то тут же арестовали бы не только его, но и моих родителей. А меня с сестрой отправили бы в лучшем случае в детский дом, а то и в лагерь для малолетних преступников. Представляете, в какое трудное положение попала наша семья.

Мой отец был человеком очень смелым и благородным, он не мог выдать своего брата и не мог ему сказать: «Знаешь что, Андрей, катись на все четыре стороны. Я тебя не видел и знать не знаю где ты. У меня семья: жена и маленькие дети, я отвечаю за них».

Но нет, отец был не такой. Он позвал меня и сестру и все нам рассказал, и взял с нас честное слово, что мы никому не проболтаемся. Помню, он прижал нас к себе, поцеловал и сказал: «Мы с мамой на вас надеемся». В глазах его стояли слезы.

До сих пор помню запах его португалии и гимнастерки. Сестре моей было легко, она умела хранить тайны, а я был болтун и, конечно, по младости лет не верил, что с нами может произойти трагедия.

Я крепился целые сутки, но на следующий день тут же рассказал обо всем лучшему другу Юльке Хесину. А он вечером за ужином передал об этом своим родителям, как величайшую тайну. Его родители, люди серьезные, очень испугались, вызвали меня, а когда убедились, что это правда, то сказали мне, чтобы я к Юлику даже не приближался. Когда же через два дня, измученный тем, что проболтался, я пошел все же к Хесиным, то увидел, что в их дом въезжают новые жильцы. От них я узнал, что Хесины уехали в неизвестном направлении. Больше я ничего и никогда не узнал о своем лучшем друге Юлике. Я стоял и думал о сбежавших, об Андрее, о своих родителях, о самом себе. Понял, что своим бегством Хесины спасли не только себя, но и нашу семью.

Вот тогда и кончилось мое детство, хотя мне было всего девять лет.

Судьба же моего дяди Андрея сложилась драматически. Спустя год его снова арестовали. Потом, когда началась война, находясь в сталинском лагере при первой возможности он записался добровольцем в действующую армию, его зачислили в штрафной батальон, и он оказался на фронте. Провоевал всю войну, вернулся в родной город... и умер совсем молодым, можно сказать, в расцвете сил и неисполненных желаний. (Об этом я пишу сейчас новую повесть.)

Вторым крупным событием в моей жизни была, конечно, Отечественная война. Она застала нашу семью в литовском городе Мариамполе, в двадцати километрах от Восточной Пруссии.

Началась битва насмерть. Дивизия под началом моего отца продержалась на границе семьдесят

пять часов, отражая фашистов. Ах, какие это были солдаты, я бы сказал — солдатушки, потому что им было всего по двадцать. Молодые безусые лица и отважные глаза. Они там почти все полегли. Отец мой, когда вспоминал их, всегда плакал, не стесняясь меня. Вообще образ его жизни: любовь к матери, ко всем близким, к чужим людям, которые нуждались в его поддержке, его замечательные рассказы о своем детстве, о родителях и братьях — занимает особое место в моих сочинениях не только по букве, но и по духу. Думаю, без него я не написал бы ни строчки — его трепетная душа всегда бьется в моем сердце.

В 1945 году я приехал учиться в Москву, представляя собой довольно сумбурную личность. Конечно, я был мало образован, чудовищно застенчив и к тому же плохо одет. Если добавить к этому, что я отчаянно не любил и боялся советскую власть, то портрет мой встанет перед вами довольно отчетливо. Я уже пробовал писать, времени у меня было много, потому что я был одинок, часто пропускал занятия в институте, и единственным моим спасением и оправданием для самого себя было писание.

Представьте себе человека, который почти никого не знал в громадном городе, не сумел подружиться ни с одним сокурсником и зачем-то с утра до ночи занимался писанием. При этом мне казалось, что я бездарно трачу свое время, что на улице светит солнце, что все веселятся, а я занят какой-то чепухой.

Наконец, я написал свою первую повесть и отправил ее почтой почему-то в знаменитый журнал «Новый мир», в котором в это время печатались самые известные советские писатели. Через какое-то

время получил ответ из журнала. Дрожащими руками вскрыл конверт и прочел, что меня вызывают для беседы в редакцию... Попал к литературному консультанту. Это был мужчина лет под шестьдесят, аккуратно причесанный и одетый (Я хорошо его запомнил, как видите, на всю жизнь). Почти не глядя на меня, он стал делать замечания по моей рукописи. Я сгорал от стыда, что у меня так все бездарно написано, сразу со всем согласился, только ждал, когда он закончит говорить, чтобы задать ему один вопрос, очень важный для меня. Наконец это время пришло, и я спросил у консультанта: «А как вы думаете, я смогу научиться писать?»

Наступила длинная пауза. Консультант поднял на меня глаза, потом ответил: «Конечно... Ведь, в конце концов, и корову можно научить писать». Произнес он это серьезно, без тени улыбки. И я выкатился на улицу, судорожно глотнул воздух, радуясь тому, что все самое трудное позади. Разорвал рукопись и бросил ее в первую же урну. Теперь я был свободен... Оказалось, лишь на короткое время. А затем я заметил, что непрерывно что-то сочиняю, не отдавая себе отчета. Через короткое время я плотно сидел за письменным столом, пытаюсь написать что-нибудь стоящее.

И тут мне здорово повезло. Я попал на работу в детский журнал «Мурзилка». Сразу оказался в талантливой среде литераторов и художников. Здесь печатались значительные фигуры русской литературы, такие как Паустовский, Пришвин, Маршак, Михалков, Юрий Казаков и Юрий Нагибин, Пантелеев, написавший знаменитую повесть «Республика Шкид», Андрей Некрасов, сочинивший «Капитана Врунгеля», и многие, многие другие.

А если добавить сюда имена художников — Лебедева, Васнецова, Конашевича, Чарушина, Цейтлина? Поистине плеяда блестящих личностей! Они приходили в нашу редакцию, я их видел вживую, разговаривал с ними. И все это нашествие произвело на меня ошеломляющее впечатление. Прежде всего, я перестал писать, а только оглядывался вокруг и внимательно слушал. Это мне, безусловно, принесло большую пользу. Затем мне посчастливилось, и я обрел своих первых учителей. Это были художник Владимир Лебедев и писатель Виталий Бианки.

Лебедев Владимир Васильевич был выдающийся живописец, который в силу обстоятельств занимался книжной графикой. Он иллюстрировал стихи Маршака, они до сих пор издаются с его рисунками. В далеком 1928 году он участвовал в выставке, и его живописные полотна окрестили «формалистическими». На него начались гонения. Советская власть, вступив в силу, признавала лишь так называемый социалистический реализм. Художникам других измерений дорога была перекрыта. Познакомившись с Владимиром Васильевичем, я впервые понял, что значит: «свободный художник». Для него не существовало никаких запретов. Он писал на своих полотнах то, что ему казалось интересным, проблемным и вызывало в нем творческий восторг. Он научил меня смотреть и любить живопись. Мир, в котором я жил, — преобразился. Теперь в нем полнокровно присутствовало новое, яркое искусство, которое делало этот мир не линейным, а многоярусным.

Виталий Бианки, мой второй учитель, был колоритной фигурой. Фамилию он унаследовал от

предков, которые были выходцами из Италии. В России до революции он закончил Пажеский корпус, служил при императорском дворе. После революции стал писателем-натуралистом. Писал блестящие рассказы для детей о животных, о природе. Ему не было равных в этом жанре. А еще он любил талант в других людях. Он способен был перепечатывать рассказы молодых по несколько раз, бескорыстно, только для того, чтобы помочь одаренному человеку, несмотря на свою парализованную левую руку.

Когда я вновь стал сочинять, то это были только рассказы и повести для детей. Причем это была сознательная практика, потому что мне хотелось писать именно это. К тому же у меня была определенная идейная установка. Все мои герои-дети были хорошие люди, а жизнь им портили взрослые — родители, учителя и прочие. Они часто их не понимали, наказывали. Не умели прощать случайные проступки. Это продолжалось довольно долго, пока я не стал приглядываться к своим героям более пристально. И обнаружил в них массу недостатков. Оказалось, что они бывают отъявленными лжецами, людьми, не умеющими держать данное слово, бывают даже предателями. Тут дело приняло совсем другой оборот. Я понял, что нельзя искусственным образом уйти в литературе от правды. И тогда я написал повесть «Чучело».

Завязка этой истории пришла ко мне из жизни. Я так привык к своим героям, что они стали для меня живыми людьми. Я просыпался и сразу попадал в их компанию, они окружали меня толпой, не давая мне передышку ни на минуту. Больше всех, конечно, я полюбил Ленку Бессольцеву, удивительное

создание — и по любви, и по смелости, и по самопожертвованию. Вот истинно Божий человек. Именно из-за нее мне захотелось через несколько лет написать вторую книгу — «Чучело-2, или Игра мотыльков». Когда вы будете ее читать, то увидите, что главная героиня этой повести обладает теми же замечательными чертами характера, что и Ленка Бессольцева.

Как ни грустно это звучит, можно сказать, что я прожил свою жизнь, хотя, между нами говоря, мечтаю дожить до ста лет. Знаю, что это очень трудно, но я буду стараться.

Если бы меня спросили, счастлив ли я был в жизни, я твердо ответил бы: конечно нет. Потому что в мое время в мире царили несправедливость, жестокость, насилие и противоестественная смерть.

— Но были же у вас радости? — спросили бы меня.

Я ответил бы: конечно были. И очень много, и самая большая моя радость заключена в том, что я дожил до времен свободы, пусть еще не совсем такой, как хотелось бы, но все-таки — свободы.

В. Железников

ЧУЧЕЛО

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Ленка неслась по узким, причудливо горбатым улочкам городка, ничего не замечая на своем пути.

Мимо одноэтажных домов с кружевными занавесками на окнах и высокими крестами телеантенн — вверх!..

Мимо длинных заборов и ворот, с кошками на их карнизах и злыми собаками у калиток — вниз!..

Куртка нараспашку, в глазах отчаяние, с губ слетал почти невнятный шепот:

— Дедушка!.. Милый!.. Уедем! Уедем! Уедем!.. — Она всхлипывала на ходу. — Навсегда!.. От злых людей!.. Пусть они грызут друг друга!.. Волки!.. Шакалы!.. Лисы!.. Дедушка!..

— Вот ненормальная! — кричали ей вслед люди, которых она сбивала с ног. — Летит, как мотоциклетка!

Ленка взбегала вверх по улице на одном дыхании, словно делала разбег, чтобы взлететь в небо. Она и в самом деле хотела бы тотчас взлететь над этим городком — и прочь отсюда, прочь! Куда-то, где ждали ее радость и успокоение.